

Известная актриса Лидия Смирнова как-то заметила о своем давнем кинематографическом партнере: «Крючков среди людей — это, пожалуй, не менее интересно, чем Крючков на экране. Он был любим всеми, кто видел его на экране и знал лично. Популярность его легендарна. В общении он всегда был доступным, земным. Это человек редкой душевной доброты».

Истории, которые я предлагаю уважаемым читателям, рассказаны мне друзьями-товарищами Николая Афанасьевича, его знакомыми и почитателями. Я бережно сохранил в них образ артиста, но, увы, не в моих силах было озвучить его неподражаемую живую речь. Чтобы восстановить этот пробел, читатели книги «Крючков из нашего города» (издательство «Алгоритм») должны будут всего-навсего вспомнить голос экранного Крюčkова, и все сразу встанет на свои места: Николай Афанасьевич и на экране, и в жизни всегда оставался самим собой.

2002 — 13 июля — С.Ч.
Парламентская газ.

Константин ЕВГРАФОВ.

Рыбы пляски

Сам заядлый рыбак, Крючков приохотил к рыбной ловле и свою жену. Но если Лидии Николаевне удавалось подцепить большую рыбку, то вытащить ее, как правило, было неразрешимой задачей. Зато с мелкой рыбешкой она справлялась без труда. Николаю Афанасьевичу приходилось насаживать наживку на крючок жены, снимать рыбу с крючка. Лидия Николаевна ловила час, другой и все ждала, когда же мужу надоест эта канитель и он скажет: «Ну что ты здесь мешаешься?! Не даешь человеку заняться своим делом...» Но на лице Николая Афанасьевича не было даже тени неудовольствия. И тогда она сама сматывала удочку и тихо уходила, оставляя его одного. Она очень быстро поняла, что мужа не очень-то интересует улов — он был равнодушен к рыбьим блюдам: ему нужно было остаться наедине с природой. На рыбалке он чувствовал себя ее частью.

Николай Афанасьевич удил с пирса, и из окна номера в доме отдыха, где они жили, Лидия Николаевна увидела однажды, что с мужем происходит что-то странное: он вдруг стал отбивать на дощатом настиле, как на эстрадной сцене, нечто вроде чечетки и при этом ходил этаким танцующим шагом от одного конца пирса до другого.

Лидия Николаевна поспешила вниз и, когда уже подходила к пирсу, увидела, что ее муж сменил чечетку на некое подобие медленного вальса. Только вместо партнерши он крепко держал обеими руками круто изогнутое удище и что-то хрипло шептал.

Леска была натянута как струна, а на другом ее конце широкими кругами ходила огромная рыбина. Чтобы не дать ей сорваться с крючка, Николай Афанасьевич повторял все ее немыслимые прыжки и пируэты.

— Подсак!.. — выдал из себя.

Лидия Николаевна схватила подсак, до которого рыбак не мог дотянуться без риска упустить добычу, и общими усилиями они выловили красавца леща.

И тогда Лидия Николаевна спросила: — А что у тебя с голосом?

— Тебя звал на помощь. Голос сорвал.

Лещ, наверное, от моего крика оглох, а ты не слышишь, — он с любовью посмотрел на присмирившую рыбку и улыбнулся. — А как мы с ним танцевали! Куда там «Половецким пляскам»! Это же были классические «Рыбы пляски»! Жаль, никто не видел...

«Если бы я был тайменем...»

У Крюčkова был свой принцип отбора сценария.

Как-то отец и сын Столяровы возвратились с кинофестиваля, который проходил в Монголии, и при встрече с Крючковым Сергеем

КРЮЧКОВ из нашего города

Дмитриевич стал рассказывать товарищу, каких красавцев тайменей он ловил в монгольских речках. Видно было, что Николай Афанасьевич крепко позабывал своему другу. Он вздохнул и спросил:

— А теперь куда собираешься ехать, Серега?

— Коль, — поделился Столяров-старший своими планами, — вот я сейчас сценарий пишу о Байкале, о рыбалке, о ловле тайменя. Может, поработаем вместе?

— С удовольствием! — загорелся Крючков. — Я у тебя консультантом буду. Я тебе о таймене столько расскажу!..

Договорились и расстались, довольные друг другом. А через некоторое время Столяров-младший снова встречается Крюčkова.

— Слушай, Кирилл, — говорит Николай Афанасьевич, — вот твой отец рассказывал про монгольского тайменя. А тут они пришли сами ко мне... эти... монголы. У нас, говорят, для тебя роль есть. Дрянь сценарий, но поеду — рыбалка прежде всего.

И он поехал.

Через какое-то время Кирилл опять встречается с Крючковым.

— Ну как Монголия, Афанасьич?

— А что? Жара тридцать градусов — вода кипит. Вот ты мясо рубаешь — мухи здесь, а мясо здесь. А потом мясо здесь, а мухи здесь. И должен тебе сказать что потом слабит нежно, не нарушая сна: свистун-дмухановский идет всю дорогу... Ты о рыбалке? Ну что ты говоришь! Это была не рыбалка, а рыдание. Я его на берег, а он меня в воду! Часа два боролась.

О фильме ни слова. И тогда Кирилл не выдерживает.

— Ну а фильм-то как, Афанасьич?

— Фильм-то? А что фильм? Отыграл нормально. Только на премьеру не пошел. Пришли ко мне эти ребята... монголы. Звали. Нет, говорю, ребята, я ваше кино смотреть не пойду.

— Не обиделись?

— А чего им обижаться? Я договаривался играть роль и сыграл ее с полной отдачей.

Крючков сыграл в том фильме русского перевозчика, который переправлял через реку какого-то монгольского революционера. Действительно, охота на тайменя — это куда интереснее.

Закон есть закон

Однажды Николай Афанасьевич приехал в Астрахань, и с ним захотел познакомиться секретарь обкома партии. Познакомились, поговорили о том о сем, секретарь поинтересовался, как устроился народный любимец и нет ли у него каких-нибудь просьб.

— Есть, — ответил Крючков. — Нельзя ли организовать небольшую рыбалку?

— Чего проще! Завтра же с утра пораньше и организуем.

Крючков ушел, а секретарь вызвал инспектора рыбнадзора и сказал:

— Вот что, Максимыч. К нам приехал народный артист Николай Афанасьевич Крючков. Попросил устроить ему рыбалку. Завтра же с утра и отвези его, сам знаешь куда. Но учти: Крючков, говорят, азартный рыбак, а ты не дай ему увлечься. Хотя он и народный любимец, но закон есть закон, и не нам с тобой нарушать его. Иди. Потом доложишь, что и как.

На другой день рано утром моторка рыбнадзора с артистом на борту мчалась уже вниз по Волге к дельте. У проток инспектор чуть свернул к берегу и заглушил мотор.

— Вот здесь, Николай Афанасьевич, и попробуем начать.

— Вам лучше знать, где, — не стал возражать Крючков и поинтересовался: — Что ловить-то будем?

— Стерлядку.

— Стерлядку так стерлядку, — не моргнув глазом, согласился Крючков, хотя никогда еще ее не лавливал.

Но инспектор уже приготовил наживку, они встали по разным бортам лодки и сделали заброс.

Не прошло и минуты, как лодка качнулась — это Николай Афанасьевич присел от неожиданности.

— Максимыч, я поймал!

— Поздравляю с почином.

И тут началось: Крючков не успевал вытаскивать рыбу за рыбой, а у инспектора даже ни разу не клюнуло. И Николаю Афанасьевичу стало его жалко.

— Максимыч, — предложил он, — может, поменяемся бортами?

— А какая разница? Сами знаете, если уж не повезет, так не повезет...

Наконец инспектор покосился на улов и стал сматывать удочки.

— Хватит, Афанасьич. Положено не больше трех килограммов на нос, и мы свою норму на двоих взяли. Закон есть закон.

Рыбалка облизала их, и они незаметно перешли на «ты».

— Неудобно, Максимыч, что ты ничего не поймал. А я ведь впервые стерлядку-то ловил; — признался Крючков, — и вон сколько надергал.

— В следующий раз мне повезет, — даже не огорчился Максимыч.

Крючков отдал ему свой улов, а инспектор пригласил его к себе вечером на уху.

За обедом же в гостинице только и было разговору среди официанток и соседей по столику, как он «запросто дергал» этих стерлядок одну за другой, а у инспектора, профессионала-рыбака, даже ни разу не клюнуло.

А в это время Максимыч докладывал секретарю обкома о «культурном мероприятии»:

— Очень довольным остался народный артист. Я его к «яме» подвез, где стерлядка кучкуется, так он там надергал килограммов шесть.

— Предупреждал же тебя, — поморщился секретарь. — Не больше нормы! Сам-то еще сколько надергал?

— У меня не клевало.

— Как не клевало? — не понял секретарь классного рыбака.

— Ну надо же было уважить гостя, — улыбнулся Максимыч. — Вот я на своих лесках крючки и срезал.

А крючок-то шведский!

Съемки фильма «Бархатный сезон», в котором был занят Николай Афанасьевич, проходились в Швейцарии. А там в городах на каждой улочке — магазины и лавочки. Чего в них только нет! Крючков же заходил в те, где продавались рыболовные снасти: лески, грузила, крючки, блесны разной конструкции и конфигурации, мормышки. А стоит все это там немалых денег. Вот он все суточные в этих магазинах и оставлял.

Его особой гордостью были приобретенные там шведские крючки. Чем они отличались от отечественных, знал, наверное, только он сам. И вот случилось ему как-то рыбачить на Черном море с замечательным человеком и артистом Борисом Токаревым. Николай Афанасьевич дал ему удочку со шведским крючком и строго предупредил:

— Когда клюнет, резко не дергай. Скушает рыба крючок — поедешь в Швейцарию за новым.

Опасаясь, как бы крючок не зацепился за какой-нибудь куст или за камень, Токарев осторожно положил его на ладонь, а другой рукой дернул за леску — и крючок впился ему в ладонь. Незадачливый рыбак вскрикнул от боли. Подбежал Николай Афанасьевич и, не зная, что делать, закричал:

— Вытаскивай его, Боба, вытаскивай! Крючок-то шведский!

— Не могу, — взмолился Токарев.

— Проталкивай его наоборот! Проталкивай! Он выйдет!

— Никуда он не выйдет — там же утолщение!

Пришлось ехать на военно-морскую базу в госпиталь. Там крючок вырезали, и Токарев вручил его хозяину.

— Легко отделался, Боба, — сказал Николай Афанасьевич, пряча крючок в спичечный коробок.

— А что, могло быть хуже?

— А как же! Теперь тебе не нужно ехать в Швейцарию!

Крючок-то шведский

13.07.02